

Н. В. Сердобольская

ОФОРМЛЕНИЕ ИМЕННЫХ И СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ В ЗНАЧЕНИИ ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ¹

1. Введение

В языках мира актантные предложения могут кодироваться с помощью конструкций, синтаксически представляющих собой именную группу, т. е. различного вида номинализаций. Номинализованный предикат в таких конструкциях обладает рядом именных свойств, в частности, способностью присоединять артикли, падежные показатели и адлоги (предлоги/послелог):

- (1) *Они обрадовались **твоему** приезду.*
- (2) *Мосмарт готовится к **открытию**.* [НКРЯ: Запись LiveJournal (2004)]

При этом обычно выбирается тот же падеж/адлог, который присоединяет именной актант того же предиката:

- (3) *Ты заметила, как они **тебе** обрадовались?* [НКРЯ: Ирина Полянская. Прохождение тени (1996)]
- (4) *Мальчик готовится к **уроку**.*

Номинализации в (1) и (2) замещают ту же валентность, что и имена *тебе* и *урок* в (3) и (4), и, соответственно, требуют такого же оформления.

Рассмотрим, однако, следующие примеры из адыгейского языка:

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 11-04-00282а, 01345а и Министерства Образования РФ № 2012-1.2.1-12-000-3004-9859.

(5) *c_wəmpɛ-r qe-sə-wəb_wejə-nə-r sə-g_w*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-ABS 1SG.PR-сердце
r-jə-hə-r-ep

LOC-3SG.A-нести-DYN-NEG

‘Мне не нравится собирать клубнику’.

(6) *c_wəmpɛ-r qe-sə-wəb_wejə-n-čʼe / ew*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-INS / ADV
sə-g_w r-j-e-hə

1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести

‘Мне нравится собирать клубнику’.

В первом случае сентенциальный актант при глаголе *əg_w rjehə* ‘нравиться’ оформляется так же, как и именной актант, ср.:

(7) *a. čʼale-m pšaše-r ə-g_w r-j-e-hə*
 парень-ERG девушка-ABS 3SG.PR-сердце LOC-3SG.A-
 DYN-нести

‘Парню нравится девушка’.

Во втором же случае сентенциальный актант при том же глаголе оформляется инструментальным или обстоятельственным падежом. Маркирование имени инструментальным падежом при данном глаголе невозможно, ср.:

б. **čʼale-m pšaše-čʼe / pšaš-ew*
 парень-ERG девушка-INS / девушка-ADV
ə-g_w r-j-e-hə
 3SG.POSS-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести

ожидаемое значение: ‘Парню нравится девушка’.

Такое несоответствие в кодировании именных и сентенциальных актантов является яркой особенностью адыгейского языка (а также близкородственного кабардинского, см. [Кумахов, Вамлинг 1998]) – особенностью, ставящей адыгейский материал особняком в типологии конструкций с сентенциальными актантами. Описанное явление, насколько нам известно, не рассматривается в существующих исследованиях по описанию КСА в языках мира (см. [Храковский 1985; Noonan 1985; Dixon, Aikhenvald 1998]).

Насколько нам известно, такого рода изменения в модели управления предикатов с сентенциальными актантами в литературе отмечались лишь в двух идиомах, в ижемском диалекте коми-зырянского языка и дербетском диалекте калмыцкого языка:

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (8) *me divujč'č'-a etaje mort-ys-ly / *mort-sə.*
 я удивляться-PRS.1SG этот человек-Р.3-DAT человек-
 ACC.Р.3
 'Я удивляюсь этому человеку'.
- (9) *me div ujč'č'-a maša-lys'*
 я удивляться-PRS.1SG Маша-GEN
*vo-əm-sə / *vo-əm-ys-ly.*
 прийти-NZR-ACC.Р.3 прийти-NZR-Р.3-DAT
 'Я удивляюсь тому, что Маша пришла (Машиному приходу)'. [Митева 2008]

КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК (ДЕРБЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (10) *enə bajər-ta bää-nä [Badma-gə*
 этот радость-ASSOC быть-PRS Бадма-ACC
du duul-sən-də-ni].
 песня петь-PC.PST-DAT-Р.3
 'Он рад, что именно Бадма спел песню'.
- (11) *eckə-ni bajər-ta [kövü-vän*
 отец-Р.3 радость-ASSOC мальчик-Р.РFL
gerə bär-s-igə].
 дом строить-PC.PST-ACC
 'Отец был рад, что его сын построил дом'. [Князев 2009: 553]

В обоих идиомах сентенциальные актаны при данных предикатах допускают аккузативное оформление СА, несмотря на то, что именные актаны при этих же предикатах оформляются только дативом. При этом список главных предикатов, допускающих такое несоответствие модели управления, и конкретные ограничения на выбор падежа в СА в этих языках различны.

Среди существующих работ по КСА нам неизвестно подробных описаний вариативности в падежном маркировании. Что

же касается вариативности в падежном маркировании именных актантов, литература по данному вопросу обширна. Среди причин такой вариативности можно назвать следующие: 1) изменение падежного маркирования при залоговых преобразованиях и в результате актантной деривации; 2) различное кодирование участников при лабильных глаголах; 3) на первый взгляд, схожие семантические роли оказываются различными при разных значениях глагола; 4) имеет место так называемое дифференцированное маркирование аргумента [de Swart 2007; de Hoop, de Swart 2009]. Ниже мы попытаемся определить причины вариативности маркирования в адыгейском языке. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы: 1) можно ли считать, что главный предикат в (5) и (6) имеет одно и то же значение; 2) каковы семантические различия между (5) и (6); 3) можно ли считать, что сентенциальный актант в (6) замещает ту же валентность предиката, что именной актант в (7а).

Исследование основывается на данных литературного адыгейского языка, полученных в ходе работы с носителями в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2005–2008 гг. (работа велась с носителями темиргоевского диалекта, который лег в основание литературного языка). Примеры, собранные в ходе полевой работы, приводятся в транскрипции; примеры, взятые из опубликованных работ, приводятся в орфографии публикации.

Далее мы будем использовать термины «конструкции с сентенциальными актантами» (КСА), «матричный предикат» как предикат, способный присоединять СА, «зависимая ситуация» для обозначения ситуации, кодируемой сентенциальным актантом.

Работа организована следующим образом. В разделе 2 мы перечислим основные стратегии оформления сентенциальных актантов в адыгейском языке. Раздел 3 посвящен семантике КСА и факторам, определяющим выбор падежного показателя в КСА. В разделе 4 рассматриваются различные объяснения наблюдаемой вариативности падежного оформления и формулируются выводы.

2. Основные стратегии оформления СА в адыгейском языке

В адыгейском языке можно выделить следующие стратегии кодирования сентенциальных актантах (ср. [Gerassimov 2006]). Во-первых, это «чистая основа» в терминах [Керашева 1984: 121–134]:

- (12) *ʔ_wənç'əbze-xe-r* *z-ve-k_wed* *s-jə-xabz*
ключ-PL-ABS 1SG.A-CAUS-терять 1SG.PR-POSS-закон
'Иногда бывает, что я теряю ключи'. (букв. мой закон –
терять ключи)

Данная стратегия используется при грамматикализованных аспектуальных и модальных предикатах, (см. подробнее [Kimmelman 2010]). При фазовых глаголах с семантикой начинательности и при модальных глаголах *faje* 'надо', *леç'ə* 'мочь' используется форма потенциалиса (показатель *-n*) без падежных показателей (инфинитив согласно [Кумахов 1989]):

- (13) *lavə-xe-r* *s-thaç'ə-n* *faje*
тарелка-PL-ABS 1SG.A-мыть-POT надо
'Мне надо помыть посуду'.

Глагольные формы, представленные в (12) и (13), используются только при фазовых, модальных и аспектуальных предикатах. Данные предикаты обычно характеризуются в работах по КСА особо, т. к. в языках мира они чаще всего возглавляют конструкции, которые отчасти демонстрируют свойства биклаузальной, отчасти – моноклаузальной конструкции. При этом главный предикат довольно часто грамматикализуется, и вся конструкция проявляет морфосинтаксические свойства аналитических форм предиката. С точки зрения семантики, главный предикат в таких конструкциях обозначает не отдельную ситуацию, а выделяет ее фазу (начало, конец ситуации) или имеет модальное (как в (9)) или аспектуальное значение [Храковский 1985: 43; Dixon, Aikhenvald 2009: 17]. В результате, данные конструкции довольно часто демонстрируют иные синтаксические свойства, нежели конструкции с матричными предикатами, обозначающими самостоятельную ситуацию (эмотивными, ментальными, оценочными, глаголами речи и восприятия). Ниже мы анализируем только КСА со вторым типом матричных предикатов. При таких предик-

катах в адыгейском языке употребляются следующие три стратегии: фактивная форма с префиксом *zere-*, потенциалис с падежными показателями (в отличие) и глагольная форма с показателем падежа. Приведем примеры.

- (14) *[aslan qə-zere-k_wa-be-r]* *dek_wə*
 Аслан DIR-FCT-идти-PST-ABS хороший
 ‘То, что Аслан приехал, — хорошо’ [Герасимов, Ландер
 2008: 292].

Фактивная форма (*причастие* в адыговедческой традиции) образуется с помощью префикса *zere-* и оформляется строго тем показателем падежа, который приписывает матричный предикат, например, в (14) единственно возможное оформление – это абсолютный падеж (за редким исключением: при глаголах *jezeš’ə* ‘надоедать’ и *ʔ_wə-* говорить возможно оформление фактивной формы как эргативом, так и «определенным инструменталисом», т. е. инструменталисом с показателем эргатива). Как показано в работе [Герасимов, Ландер 2008], данная форма используется для кодирования фактивных СА в понимании [Kiparsky, Kiparsky 1971; Арутюнова 1988; Зализняк 1990 и др.]. В работах по семантике КСА факт как единица ментального мира обычно противопоставляется событию как элементу реальности, доступному чувственному восприятию. В этих терминах обычно трактуют русские союзы *что* и *как*: *что* вводит фактивные СА, *как* – события, напр. *Мне нравится, что он поёт в ансамбле* vs. *Мне нравится, как он поёт*. Ряд матричных предикатов допускает как СА со значением факта, так и СА со значением события. Например, предикат оценки *dek_wə* ‘хорошо’ вводит факт при помощи фактивной формы с абсолютивом, в то время как событие при данном предикате кодируется формой потенциалиса с инструментальным падежом:

- (15) *pč’əha.re* *qe-p-k_wə.ha-n-č’ə* *dek_wə*
 по.вечерам DIR-2SG.A-идти-POT-INS хорошо
 ‘Хорошо (приятно) гулять по вечерам’.

Выбор кодирования СА отражает семантический сдвиг в значении оценочного предиката: в (14) зависимая ситуация оценивается говорящим как хорошая в результате ментальной обработки (напр., оценка по параметру уместности или морально-

этическая, в зависимости от контекста); в (15), напротив, положительное ощущение является непосредственным результатом зависимой ситуации; речь идет о положительной эмоциональной оценке ситуации.

Формы потенциалиса с падежным показателем в адыговедческой традиции принято трактовать в терминах «масдар» в том или ином падеже (ср. [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1989; Зекох 2002]). В силу причин, изложенных в [Сердобольская 2009] (способность употребляться в независимом предложении, значение временной отнесённости к будущему с некоторыми модальными оттенками и др.), мы принимаем для данной формы термин «потенциалис».

Кроме того, при ряде матричных предикатов может использоваться глагольная основа, оформленная инструментальным падежом с показателем $-ç'e$ или обстоятельственным падежом с показателем $-ew^2$:

- (16) *a. azemat qa-k_w-ew qə-s-š'-e-χ_wə*
 Азамат DIR-идти-ADV DIR-1SG.IO-LOC-DYN-статья
 'Мне кажется, Азамат идет'.

При выборе данной стратегии оформления, а также при потенциалисе возникает вариативность, проиллюстрированная в (5)–(6). Иными словами, зависимый предикат может оформляться не только тем падежом, который обусловлен моделью управления матричного предиката, но и другими падежными показателями. Например, предикат *deχ_wə* требует оформления единственного актанта абсолютивом (14), однако в (15) зависимый предикат маркируется инструменталисом. Аналогичным образом, глагол *š'eχ_wə* 'думать, казаться' требует оформления именной группы со значением содержания абсолютивом (17), однако СА в (16) присоединяет показатель «обстоятельственного» падежа.

- (17) *se a-r qə-s-š'-e-χ_wə*
 я тот-ABS DIR-1SG.IO-LOC-DYN-статья
 'Я так думаю'.

² Большинство специалистов по адыгейскому языку трактуют глагольную основу с обстоятельственным падежом как деепричастие [Зекох 1976; Керашева 1984 и др.]; для формы с показателем $-ç'e$ общепринятого термина нет.

В адыгейском языке традиционно выделяют четыре падежа (см. [Рогава, Керашева 1966, Зекох 2002] и др.): эргатив на *-m*, обозначающий агенс при переходных глаголах, косвенный объект, посессор и различного рода обстоятельства; абсолютив на *-r*, маркирующий субъект при непереходных глаголах или объект при переходных глаголах; инструменталис на *-ǰ'e*, обозначающий инструмент, пролатив и различные косвенные дополнения, а также обстоятельственный падеж (*-ew*)³, который вводит обстоятельства образа действия, наречия, образованные от прилагательных, а также копредикаты и неконечные клаузы в тексте. Далее эргатив и абсолютив будут обозначаться термином «ядерные падежи», инструменталис и обстоятельственный падеж – термином «неядерные падежи».

Потенциалис на *-n* может присоединять любой из четырех перечисленных падежей, см. (5) и (6). Глагольная основа, возглавляющая СА, не может оформляться показателями ядерных падежей⁴, т. е. абсолютивом и эргативом; ср.:

(16) б. **azemat qa-k_we-r qə-s-š²-e-χ_wə*
 Азамат DIR-идти-ABS DIR-1SG.IO-LOC-DYN-стать
 ожидаемое значение: ‘Мне кажется, Азамат идет’.

Такое оформление вызывает неграмматичность, несмотря на то что имя при данном ментальном предикате должно оформляться абсолютивом (17).

Таким образом, глагольная основа в СА может оформляться только показателями неядерных падежей: обстоятельственного и инструментального.

³ З. И. Керашева [Рогава, Керашева 1966; Керашева 1984 и др.] обозначает масдар с показателем обстоятельственного падежа термином «супин», однако другие исследователи не выделяют данную форму особо, называя все такие употребления «масдаром».

⁴ Имеется в виду, что глагольная основа с показателем ядерного падежа не может обозначать ситуацию и вводить СА или обстоятельство-предложение. Если же происходит отсылка к участнику ситуации – т. е. в релятивных оборотах, напр. *k_wa-be-r* (идти-PST-ABS) ‘ушедший’, *k_we-š²tə-r* (идти-FUT-ABS) ‘тот, который пойдет’ [Рогава, Керашева 1966: 314–315]), – тогда глагольная форма может присоединять и ядерные падежи.

Приписывание СА падежа, не принадлежащего модели управления, в основном, наблюдается при потенциалисе и глагольной основе. Ниже мы будем рассматривать именно эти конструкции в КСА.

3. Значение матричного предиката и выбор оформления СА

Обратимся к семантике конструкций, допускающих вариативность падежного оформления. Выбор ядерного падежа при той или иной форме регулируется моделью управления матричного предиката. При предикатах, требующих эргатива, абсолютив невозможен, и наоборот. Описываемая в настоящей работе вариативность касается только неядерных падежей: при предикатах, требующих оформления СА эргативом/абсолютивом, возможны также обстоятельственный или инструментальный падежи. Формы, возглавляющие СА, допускают вариативность в различной степени:

1) потенциалис может присоединять все четыре падежных показателя, и следовательно, при некоторых предикатах возможен выбор из трех возможностей (эргатив/абсолютив, инструменталис, обстоятельственный падеж);

2) глагольная основа⁵ может присоединять только инструменталис и обстоятельственный падеж даже при тех матричных предикатах, которые требуют ядерного падежа;

3) фактивная форма может присоединять все четыре падежных показателя; однако, при данной форме зафиксирован лишь один тип вариативности⁶: фактивная форма может оформляться определенным инструменталисом (показатель эргатив + показатель инструменталиса) в случае, если матричный предикат требует ядерного падежа:

(18) *a. zere-k_we-ž'ə-š't-ər* *q-a-r-jə-?_wa-в*
 FCT-идти-RE-FUT-ABS DIR-3PL.IO-OBL-3SG.A-говорить-
 PST

⁵ В значении ситуации; см. сноску 4.

⁶ Автор благодарен К. А. Ершовой за то, что она обратила наше внимание на этот факт.

б. *zere-k_we-ž'ə-š't-em-č'e* *q-a-r-jə-?_wa-k*
 FCT-идти-RE-FUT-ERG-INS DIR-3PL.IO-OBL-3SG.A-
 говорить-PST

‘Он сказал им, что уедет’. (Примеры Д. В. Герасимова)

Такие конструкции нами, однако, подробно не рассматривались. В настоящей работе мы сосредоточимся на факторах выбора падежного маркирования СА при потенциализе и глагольной основе (подробнее об этом см. [Сердобольская, Мотлохов 2009]).

3.1. Ядерные падежи в СА

Специфика кодирования СА в адыгейском языке определяется, в том числе, тем фактом, что в адыгейском именные группы, оформленные ядерными падежами, способны контролировать согласование предиката, а именные группы, оформленные неядерными падежами – не способны контролировать согласование предиката:

(18) *шъо а-хэ-р* *шъо-лъэгъу-х*
 вы тот-PL-ABS 2PL.A+DYN-видеть-PL
 ‘Вы их видите’. [Рогава, Керашева 1966: 96]

(19) *а* *у-къы-зэ-ры-гуыцIэ-рэ* *бзэгъ-р*
 тот 2SG.ABS-DIR-REL-INS-разговаривать-DYN язык-ABS
лэныстэ-м-кIэ *ны-з-гъэчъы-гъа-гъом*
 ножницы-ERG-INS LOC-1SG.A-резать-PST-DSD
 ‘Хотя бы ножницами вырезал бы тебе язык, которым ты разговариваешь’. [Там же: 360]

Глагол *лъэгъу* ‘видеть’ в адыгейском языке переходный: экспериенцер оформляется эргативом, стимул – абсолютивом. Как можно видеть в (18), оба актанта контролируют личное-числовое согласование глагола (местоимения первого и второго лица не присоединяют показателей эргатива и абсолютива, поэтому местоимение *шъо* ‘вы’ в примере не оформлено падежом). Как видно из (19), ИГ *лэныстэ-м-кIэ* ‘ножницы’, оформленная инструменталисом, не может контролировать согласование предиката даже в том случае, если она является семантическим актантами, как инструмент при глаголе *ныгъэчъы-* ‘отрезать’.

В простом предложении адыгейского языка глагол может присоединять аргумент в абсолютиве и несколько аргументов в эргативе, контролирующих префиксальные согласовательные показатели (см. подробнее [Рогава, Керашева 1966]; [Аркадьев и др. 2009]), например:

- (20) *s-jə-β_wəneβ_w se χ_wəpɛ-m a-r*
 1SG.PR-POSS-сосед я луг-ERG тот-ABS
qə-s-š_wə-Ø-š'-j-e-wəpč'e
 DIR-1SG.IO-MAL-3SG.IO-LOC-3SG.A-DYN-косить
 'Мой сосед против моей воли на лугу это косит' [Аркадьев и др. 2009: 79]

Как и при именных актантах, ядерные падежи оформляют СА в том случае, если СА выступает в позиции, соответствующей согласовательному «слоту» матричного предиката: в (21a) и (22) это нулевой показатель третьего лица единственного числа косвенного объекта, в (23a) – показатель третьего лица единственного числа агенса -ə-.

Для тех случаев, когда матричный предикат требует оформления СА ядерным падежом, возможны следующие три способа оформления: эргатив или абсолютив (строго в зависимости от модели управления матричного предиката), инструменталис, обстоятельственный падеж. При некоторых предикатах допускаются только две возможности, например, ядерный падеж vs. инструменталис или ядерный падеж vs. обстоятельственный падеж. Например, глагол *pəλə* пытаться, стараться может присоединять СА с эргативом или обстоятельственным падежом:

- (21) а. *adəga-bze-č'e s-je-ž'e-nə-m*
 адыгейский-язык-INS 1SG.ABS-OBL-читать-POT-ERG
sə-pəλ
 1SG.ABS-заниматься
 'Занимаюсь чтением на адыгейском языке'.
 б. *adəga-bze-č'e s-je-ž'e-n-ew*
 адыгейский-язык-INS 1SG.ABS-OBL-читать-POT-ADV
sə-pəλ
 1SG.ABS-заниматься
 'Пытаюсь читать по-адыгейски'.

Данный матричный предикат может иметь значение ‘заниматься какого-л. рода деятельностью’ либо значение ‘стараться, пытаться, пробовать что-л. делать’. При первом значении зависимый предикат в форме потенциалиса маркируется эргативом; при втором значении выбирается обстоятельственный падеж.

Присоединяя СА в эргативе, матричный предикат имеет то значение, в котором он употребляется с именным актантом; ср. (21a) и (22):

- (22) *спорты-м пылгы-н*
 спорт-ERG заниматься-POT
 ‘заниматься спортом’ [Тхаркахо 1991: 198]

Аналогичное различие демонстрирует пара глаголов *zəfəkehazəɾə* и *zəkehazəɾə* со значением ‘собираться’:

- (23) а. *azemat wered q-ə-?we-nə-m*
 Азамат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ERG
zə-f-j-e-ke-hazəɾə
 RFL.ABS-BEN-3SG.A-DYN-CAUS-готовиться
 ‘Азамат собирается петь’. (Комментарий: еще не выходит на сцену, достает микрофон, гитару и т. п.)

- б. *azemat wered q-ə-?we-n-ew*
 Азамат песня DIR-3SG.A-говорить-POT-ADV
zə-b-e-hazəɾə
 RFL.ABS-3SG.A-DYN-CAUS-готовиться
 ‘Азамат собирается петь’. (Комментарий: уже выходит на сцену, сейчас будет петь.)

Глагол *zəfəkehazəɾə* в (23a) имеет значение ‘готовиться к чему-л.’, а глагол *zəkehazəɾə* в (23б) обозначает ‘иметь намерение, готовиться, собираться’ (см. [Тхаркахо 1991: 91]. Обратим внимание на морфемный состав данного глагола: *hazəɾ* переводится как ‘готовый’; глагол *zə-ke-hazəɾə* представляет собой форму каузатива с рефлексивным префиксом *zə*, т. е. RFL-CAUS-готовый, ‘готовить себя’ (без валентности на цель), в то время как глагол *zə-fə-ke-hazəɾə* включает показатель бенефактивной версии, RFL-BEN-CAUS-готовый, т. е. ‘готовить себя к чему-либо’. Наличие префикса бенефактива *fə-* в *zə-fə-ke-hazəɾə* приводит тому, что данный глагол понимается как ‘готовиться к чем-л.’, а

отсутствие валентности на цель в *zə-ke-hazərə-* вызывает значение ‘собираться’ (ср. (23б) выше). Соответственно, в значении ‘готовиться к чему-л.’ данный предикат присоединяет СА с эргативом, а в значении ‘иметь намерение’ – СА с обстоятельственным падежом.

Таким образом, ядерные падежи выбираются для оформления потенциалиса, если глагол выступает в том значении, в котором он может присоединять именные актанты. В противном случае СА оформляется одним из неядерных падежей.

Рассмотрим правила, регулирующие выбор между инструментальным и обстоятельственным падежами в КСА. Как показано в [Сердобольская, Мотлохов 2009], выбор инструментального / обстоятельственного падежа в КСА определяется семантикой матричного предиката и СА.

3.2. СА с обстоятельственным падежом

Выделяются следующие типы контекстов, характерные для СА с показателем обстоятельственного падежа.

Форма потенциалиса с обстоятельственным падежом – одно из основных средств, используемых в целевых конструкциях и в КСА при глаголах потенциального действия и каузации:

(24) *se dak_we-m šeč’ qə-fe-s-hə-ʋ*
 я портной-ERG материал DIR-BEN-1SG.A-нести-PST
ž’ane qə-s-f-jə-də-n-ew
 платье DIR-1SG.IO-BEN-3SG.A-шить-POT-ADV
 ‘Я принесла портному материал, чтобы он сшил платье’.

(25) *se je-s-ʔ_wa-ʋ azemat wə_wekə-m*
 я OBL-1SG.A-говорить-PST Азамат урок-ERG
če-č’ə-ž’ə-n-ew
 LOC-выходить-RE-POT-ADV
 ‘Я велел Азамату уйти с урока’.

В такого рода контекстах используется исключительно обстоятельственный падеж; замена его на инструменталис не допустима.

Вариативность возможна в случае, если глагольная форма либо потенциалис с обстоятельственным падежом оформляет СА ментальных глаголов, глаголов речи и восприятия.

В этом случае данная стратегия находится в дополнительном распределении с фактивной формой, например:

(26) *a.se azemat jane-jate-xe-m ja-s-?wa-ʘ*
 я Азамат мать-отец-PL-ERG 3PL.IO+OBL-1SG.A-
 говорить-PST
azemat mə-š' zere-š'-je-mə-ž'e-ž'ə-š'tə-r
 Азамат этот-ERG FCT-LOC-OBL-NEG-читать-RE-FUT-ABS

б. ...š'-je-mə-ž'e-ž'ə-š't-ew ja-s-?wa-ʘ
 LOC-OBL-выходить-RE-FUT-ABS 3PL.IO+OBL-1SG.A-
 говорить-PST

а=б. 'Я сказал родителям Азамата, что он не будет больше у нас учиться'.

а. Решение было принято заранее. б. Я сказал, тем самым утверждая решение, что Азамат не будет больше у нас учиться.

Согласно интерпретации носителей, первый пример возможен в ситуации, когда говорящий заранее знает о том, что зависимая ситуация будет иметь место (т. е. если решение о том, что Азамат не будет больше учиться, принято заранее). Второй же вариант естественно звучит, если говорящий принимает решение ровно в момент произнесения, и воплощается в реальность самим этим высказыванием. Иными словами, во втором случае речь идет о перформативном употреблении; фактивная же форма выбирается, если СА обозначает факт, имеющий пресуппозицию истинности.

Рассмотрим также примеры с фактивной формой и потенциалисом с обстоятельственным падежом при глаголе речи.

(27) *пјере weš'x q-je.š'xə-n-ew a-?wa-ʘ*
 сегодня дождь DIR-идти.о.дожде-POT-ADV 3PL.A-
 говорить-PST

'Сказали, что сегодня будет дождь'. (По радио передавали прогноз погоды. Неизвестно, оправдается ли он.)

па, см. [Сумбатова 2009] о фокусной конструкции адыгейского языка):

- (29) *we nah w-jə-č'ase-r* *təwe-m*
ты более 2SG.PR-POSS-любимый-ABS солнце-ERG
z-je-b-kewə-n-ew (-č'e)* *ar-a?*
RFL.ABS-OBL-2SG.A-загорать-POT-ADV(INS) тот:PRED-Q
hawəmjə zə-b-ke-pskə-n-ew *ar-a?*
или RFL.ABS-2SG.A-CAUS-купаться-POT-ADV тот:PRED-Q
‘Ты любишь загорать? Или больше купаться?’

СА с маркером инструменталиса проявляют иные свойства. Для них нехарактерна позиция фокуса вопроса (ср. запрет в (29)), и они могут выступать в контексте вопросительной связки, только если вопрос относится ко всему предложению или к главной предикации:

- (30) *w-e-š'əne* *w-jə-zaq_w-ew*
2SG.ABS-DYN-бояться 2SG.PR-POSS-один-ADV
wə-k_we-n-č'e *ar-a?*
2SG.ABS-идти-POT-INS тот:PRED-Q
‘Боишься ли одна ходить, не правда ли, боишься?’ (Дети дразнят девочку.)

Такие примеры обычно интерпретируются носителями как вопрос к главному предикату (в данном случае, *не правда ли, боишься*, но не *не правда ли, в одиночку ходить (боишься)*).

В русском языке пропозитивные СА, в отличие от фактивных, способны выступать в контексте главного фразового ударения [Янко 2001: 242–245]: при глаголе *думать* ударение чаще всего падает на пропозитивный СА (напр., *Я думаю. что он опоздает*), в то время, как при факте в СА главное фразовое ударение оформляет матричный предикат (напр., *Я знал, что он опоздает*). Различие в интонационном выделении матричного и зависимого предиката наблюдается и в адыгейском языке. Согласно интуиции носителей, формы с инструментальным и обстоятельственным падежами в речи противопоставлены интонационно:

- (31) *pč'edəž'ə-m ž'-ew* *sə-qe-tež'ə-n-č'e/-ew*
 утро-ERG ранний-ADV 1SG.ABS-DIR-вставить-POT-INS/ADV
sə-g_w *r-j-e-hə*
 1SG.PR-сердце LOC-3SG.A-DYN-нести
 'Мне нравится вставать рано утром'.

В данном предложении ударно произносится форма *səqetež'ənew*; если же выбирается форма *səqetež'ənč'e*, ударение обычно смещается на матричный предикат.

Итак, можно заключить, что обстоятельственный падеж при потенциалисе и глагольной основе в КСА вводит пропозицию.

3.3. СА с инструментальным падежом

Инструментальный падеж при многих ментальных предикатах вводит значение ирреальности или ложности зависимой ситуации:

- (32) *a-š'* *j-e-ʈə-č'e* *j-e-λəte*
 тот-ERG 3SG.A-DYN-копать-INS 3SG.A-DYN-считать
 а. 'Он думает, что копает'. (Он сам не понимает, что плохо работает.)
 б. 'Он делает вид, что копает'. (Он ковыряется в земле, а на самом деле не работает.)

Носители предлагают различную интерпретацию данного примера; в обоих случаях сохраняется презумпция ложности зависимой предикации. При употреблении глагольной основы с обстоятельственным падежом такой презумпции не возникает; ср.:

- (33) *s-šə-nahə.č'e* *čəja-β-ew* *s-e-g_wəβe*
 1SG.PR-брат-младший спать-PST-ADV 1SG.ABS-DYN-
 надеяться
 'Я думаю, что мой младший брат уснул'. (Комментарий:
 возможно, на самом деле, уснул, а возможно, нет.)

Как представляет, это значение определяется следующим. Как показано в [Кузнецова 2009: 309], инструментальный падеж при глагольной основе в адыгейском языке грамматикализовался в показатель фрустратива. Данная форма имеет значение недос-

тигнутого результата, ср. рус. *Я поехал было к Ивану (но не застал его дома)*:

- (34) *kanfet je-tə-ve-č'e da, ə-šxə-в-ep*
 конфета OBL-давать-PST-INS и 3SG.A-есть-PST-NEG
 'Ну и что, что мы дали ему конфету, он её не съел'.

Согласно [Кузнецова 2009], данная форма в адыгейском языке обозначает недостижение т. н. нетривиального результата. Имеется в виду, что сама ситуация, обозначаемая глаголом с суффиксом *-č'e*, достигает результата (в (34) это ситуация «дать конфету»), однако не достигается прагматическое следствие из этой ситуации, реализации которого ожидал говорящий (ситуация «он съест конфету в (34)).

Мы предполагаем, что данное значение развивает в контексте ментальных предикатов в КСА значение ложности зависимой ситуации (недостижение прагматического результата переосмыляется, как не-истинность СА):

- (35) *ə-š'efə-š'tə-č'e w-e-gwəв-а?*
 3SG.A-покупать-FUT-INS 2SG.ABS-DYN-надеяться-Q
 'Ты думаешь, он это купит?' {Я в этом сомневаюсь.}

В контексте эмотивных, ментальных и оценочных предикатов инструментальный падеж может использоваться для выделения эмотивного компонента в семантике матричного предиката:

- (36) *s-j-e-negwəje t_wə qe-s-hə-n-ew*
 1SG.ABS-OBL-DYN-предполагать два DIR-1SG.A-получать-
 POT-ADV

'Я думаю/мне кажется, что я получу двойку'.

- (37) *č'ale-r š_w-e-k_wedə-n-č'e j-e-negwəje*
 парень-ABS MAL-терять-POT-INS OBL-DYN-предполагать
 'Она боится, что потеряет парня'.

- (38) *məjeq_wape š'ə-psewə-n-č'e s-j-e-negwəje*
 Майкоп LOC-жить-POT-INS 1SG.ABS-OBL-DYN-думать
 'Я надеюсь, что он будет жить в Майкопе'.

Ряд матричных глаголов адыгейского языка допускают двойкую интерпретацию, как ментальные (со значением 'думать', 'полагать') или как эмотивные ('надеяться', 'опасаться'). Это,

например, глагол *ʃeneg_wəʃe-*, который переводится в словарях [Тхаркахо 1991: 79] и [Шаов 1975: 110] как ‘предполагать’, в словаре [Водождоков 1960] приводится для перевода русских глаголов ‘предполагать’ и ‘бояться’; глагол *g_wəʃe*, ‘надеяться’; глагол *ləte-* ‘считать, полагать’ [Водождоков 1960; Тхаркахо 1991; Шаов 1975].

При данных глаголах выбор между обстоятельственным и инструментальным падежом определяется наличием эмотивного компонента: при наличии эмотивного оттенка выбирается инструменталис, иначе – обстоятельственный падеж. Например, предложение (36) носители комментируют приблизительно как «субъект считает это событие вероятным»; при этом неизвестно, является ли это событие выгодным / невыгодным для субъекта. Напротив, в контексте инструментального падежа данный глагол интерпретируется как эмотивный, ‘бояться’ в (37) и ‘надеяться’ в (38). Конкретный «знак» эмоции – плюс или минус, т. е. ‘надеяться, хотеть’ или ‘бояться, опасаться’ – всецело зависит от контекста (например, (38) может быть переведено и глаголом *бояться*, если говорящий оценивает данную ситуацию отрицательно). Важно именно наличие эмотивного компонента.

Глагол *ʃ’əne-* ‘бояться’, как и его русский переводной эквивалент, может обозначать эмоцию, непосредственно вызванную некоторой ситуацией (боюсь волка), так и отрицательную оценку вероятной ситуации (боюсь, что не сдам экзамен), см. толкование русского глагола в [Зализняк А. 1983]. В первом случае выделяется эмотивный компонент значения глагола *ʃ’əne-* (экспериментер испытывает эмоцию непосредственно от самой ситуации), во втором – экспериментер оценивает ситуацию как вероятную и как неблагоприятную.

- (39) *a-r d_weske-m deʒ’ qə-de-č’ə-n-č’e*
 тот-ABS доска-ERG к DIR-LOC-выходить-POT-INS
ʃ’əne-zepətə-š’tə-k
 бояться-всегда-AUX-PST
 (Учителя его часто вызывали отвечать.) ‘Он всегда боялся
 выходить к доске’.

- (40) *a-r me-š'əne jə-č'elejež'aḵ_we-xe-r*
 тот-ABS DYN-бояться POSS-ученик-PL-ERG
univjersitjetə-m č'e-mə-haš_wə-n-x-ew
 университет-ERG LOC-NEG-поступить-POT-PL-ADV
 'Он боится, что его ученики не поступят в университет'.

Таким образом, как и при глаголах *jeneg_wəje-*, *g_wəve-* и *ləte-*, при глаголе *š'əne-* выбор инструментального падежа вызывает усиление эмотивного компонента значения, а выбор обстоятельственного падежа – вероятностного компонента в значении матричного глагола.

Однако, по всей видимости, наличие эмотивного компонента – не главное свойство собственно инструментального падежа в СА. В частности, эмотивный оттенок всегда наличествует у глаголов синонимического ряда любить, нравиться (*əg_w rjeḥə*, *jəč'as*, *š_wə λek_wə*), однако при данных предикатах возможен и инструментальный, и обстоятельственный падеж при СА.

Оценочные предикаты также допускают как инструментальный, так и обстоятельственный падеж (за исключением *tḥav_we* 'приятно', который допускает только инструментальный падеж). Инструментальный падеж может способствовать выделению не только эмотивного компонента, но и компонента физического состояния. Например, предикат *qjən* 'трудно' с инструментальным падежом имеет значение 'эмоционально трудно' или 'физически тяжело'; *dek_wə* 'хорошо' – 'положительная эмоция', как в (41), или 'физическое удовольствие'.

- (41) *sə-qə-b-de-g_wəš'ə'ə'e-n-č'e* *dek_wə*
 1SG.ABS-DIR-2SG.A-COM-разговаривать-POT-INS хорошо
 'С тобой хорошо (приятно) разговаривать'.
- (42) *we čəšhe-məšhe-xe-r p-šxə-n-ew* *dek_wə*
 ты фрукт-PL-ABS 2SG.A-есть-POT-ADV хорошо
 'Тебе хорошо (полезно) есть фрукты'.

В (41) данный предикат имеет значение 'приятно', а в (42) – 'полезно'. В контексте инструментального падежа данный предикат обозначает эмоциональное состояние, а в контексте обстоятельственного падежа – оценку ситуации с точки зрения ее

объективных характеристик (в данном случае, это утилитарная оценка по классификации [Арутюнова 1988]).

При эмотивных глаголах со значением любить, ‘нравиться’ и при глаголе *jezeš’ə*- ‘надоедать’ допускается как фактивная форма, так и потенциалис с падежными показателями (глагол *jezeš’ə*- ‘надоедать’ может также присоединять глагольную основу с падежными показателями):

- (43) *c_wəmpɛ-r* *qe-sə-wəb_wejə-n-ew* *sə-g_w*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-ABS 1SG.PR-сердце
r-j-ə-hə-r-ep *aw* *varenje*
 LOC-3SG.A-DYN-нести-DYN-NEG но варенье
s-šə-n-ew *sə-faj*
 1SG.A-делать-POT-ADV 1SG.A-хотеть
 (Ася 3 часа собирала клубнику. ‘Ты так любишь ягоды собирать?’) – ‘Мне не нравится собирать клубнику, просто хочется варенье сварить’.

- (44) *c_wəmpɛ-r* *qe-sə-wəb_wejə-n-č’e* *sə-g_w*
 клубника-ABS DIR-1SG.A-собирать-POT-INS 1SG.PR-сердце
r-j-e-hə
 LOC-3SG.A-DYN-нести
 ‘Мне нравится собирать клубнику’. (Я получаю удовольствие от самого процесса.)

Распределение падежных показателей при данных глаголах объясняется следующим. Данные глаголы могут вводить факт в контекстах вида *Мне нравится, что он со всеми вежливо разговаривает* (отсюда возможность употребления при них фактивной формы), однако не обязательно. В (43) и (44) ситуация в СА является гипотетической (следовательно, употребляется потенциалис) и оценивается говорящим как положительная. Различие между данными предложениями в следующем: в (44) описываемое действие, сбор клубники, рассматривается как процесс, во всех его деталях, в то время как в (43) за счет появления отрицания данное действие предстает в оболочке ментального представления.

Основываясь на этих и других примерах, можно сделать следующий вывод: потенциалис с инструментальным падежом в адыгейских КСА вводит событие в терминологии Н. Д. Арутюновой [1988]. То есть, описывается ситуация, вызы-

вающая реакцию экспериенцера сама по себе, без ее ментальной обработки. Это может быть как эмоциональная (41), (44), так и физическая реакция. Закономерно, что конструкция с инструментальным падежом при глаголах с семантикой ‘любить, нравиться’ противопоставляется конструкции с обстоятельственным падежом. В первом случае СА обозначает событие (нравится собирать ягоды), во втором случае – пропозицию (ситуация ‘собирать ягоды’ оценивается как положительная по объективным параметрам).

Такая аргументация кажется правомерной для всех матричных предикатов, вводящих СА с инструментальным падежом (исключая те случаи, когда инструментальный падеж вводит ложные СА, что, видимо, является развитием фрустративного значения данного показателя). С оценочными предикатами при инструментальном падеже СА исчезает значение собственно оценки, предикат обозначает физическое или эмоциональное состояние. Это происходит в силу того, что собственно оценка события невозможна (ср. невозможность союза *как*, вводящего событие, при данных предикатах в русском языке: **Хорошо, как он поёт*; **Трудно, как она живёт*): оценка сама по себе уже представляет собой ментальную обработку ситуации, следовательно, вызывая контекст факта (14) или пропозиции (42). Присоединяя СА, данные предикаты претерпевают сдвиг значения, приобретая семантику физического или эмоционального состояния.

Аналогичный сдвиг значения происходит при ментальных предикатах. Как показано в работах Анны А. Зализняк, эмотивные глаголы *бояться* и *надеяться*, которые присоединяют СА, отсылающие к будущему, имеют компонент вероятностной оценки, и в некоторых употреблениях этот компонент выходит на первый план [Зализняк 1992: 443]. Отсюда допустимость и события (при непосредственной эмоциональной реакции, как в (39)) и пропозиции (при усилении значения вероятностной оценки, как в (40)) в СА этих глаголов. В адыгейском языке происходит сдвиг в обратную сторону: ментальные глаголы *jeneg_wəje-*, *g_wəwe-* и *ləte-* допускают эмотивное прочтение, присоединяя СА с инструментальным падежом. При СА с обстоятельственным падежом выделяется компонент вероятностной оценки зависимой ситуации.

Итак, можно заключить, что формы с инструментальным падежом обозначают событие⁷. Под действием данного семантического компонента выделяются различные значения матричных предикатов в контексте данного типа СА: физическое состояние, эмоциональное состояние и др. Для кодирования пропозиции выбираются СА с обстоятельственным падежом. Оба падежа могут оформлять глагольную основу или потенциалис; выбор между глагольной основой и потенциалисом определяется временной референцией СА.

4. Объяснение вариативности падежного маркирования СА

Вариативность падежного маркирования, наблюдаемая в адыгейском языке, – явление, требующее объяснения в свете понятия модели управления и правил приписывания падежа соответствующими матричными предикатами. Как указывалось во введении, соответствующая вариативность в КСА практически не была зафиксирована в других языках и, в силу этого, не обсуждалась с точки зрения теории. Что же касается именных актантов, такая проблема затрагивалась неоднократно в рамках исследований по падежной семантике и работ по актантной структуре и семантически ориентированной классификации глаголов. Подробно анализируются следующие случаи мена падежного маркирования именных актантов.

Во-первых, мена маркирования может быть обусловлена **залоговым** противопоставлением либо возникать в результате **актантной деривации**. Такой анализ, однако, невозможен для адыгейского материала в силу того, что во всех перечисленных случаях вариативность падежного маркирования возможна без каких-либо формальных показателей залога или актантной деривации на предикате. Можно было бы предположить, что мена мо-

⁷ При именах инструментальный падеж вводит значения инструмент, пролатив, стимул эмоции, более ограниченно – образ действия, см. [Сердобольская, Кузнецова 2009]. Можно предположить, что событийное значение показателя инструментального падежа в КСА развилось именно из значений стимула эмоции или образа действия (ср., например русский союз *как*, развившийся из местоимения образа действия).

дели управления связана с лабильностью матричного глагола, как англ. *to break, to stop* и др. (ср. неоднократно обсуждавшиеся примеры *The glass broke / I broke the glass*). Однако в случае лабильности глагола ожидалось бы, что именные актанты также могли бы маркироваться теми же падежами, что и СА. Однако, как было показано выше, представленная вариативность наблюдается только в СА.

Во-вторых, различия в падежном оформлении могут быть связаны с т. н. явлением **дифференцированного маркирования аргумента**, см. [de Swart 2007; de Hoop, de Swart 2009]. В таких конструкциях предполагается, что при одном и том же значении предиката актант с одной и той же семантической ролью может кодироваться различным образом (см. (45аб) из адыгейского языка). В языках мира выбор маркирования в таких конструкциях регулируется дискурсивными и/или прагматическими факторами (референциальный статус именной группы в (45аб), коммуникативное членение), одушевленностью референта именной группы, аспектуальной характеристикой ситуации или квантификацией именной группы (полный охват / частичность охвата участника ситуацией). Данное явление, представленное во многих языках, обычно характеризуют в терминах дискурсивных / коммуникативных (видовых / квантитативных) функций падежей.

(45) а. *č'ale-r txəl je-ž'a-в*
 парень-ABS книга OBL-читать-PST
 'Парень прочитал (какую-то) книгу'.

б. *č'ale-r txələ-m je-ž'a-в*
 парень-ABS книга-ERG OBL-читать-PST
 'Парень прочитал книгу' (определенную). [Сердобольская, Кузнецова 2009: 188–189]

Против такого объяснения можно привести существенные возражения. В адыгейском языке данный механизм лежит в основе противопоставления нулевого маркирования и оформления ядерным падежом (эргативом / абсолютивом), как в (45аб), см. подробнее [Халбад 1975]. Нулевое маркирование возможно, как правило, при неопределенных и нереферентных именных группах, маркирование ядерным падежом – при определенных именных группах; выбор оформления не зависит от семантики глаго-

ла. В КСА же представлена иная вариативность, а именно «ядерный vs. обстоятельственный vs. инструментальный падеж». Семантические различия, лежащие в основе выбора падежного маркирования в КСА, не могут быть проинтерпретированы в терминах референциальных свойств и коммуникативного членения высказывания (или же видовых / квантитативных различий), а связаны, как показано в разделе 2, со значением матричного глагола и семантикой зависимой ситуации

В целом, сам термин «дифференцированное маркирование аргумента» не противоречит и такой «расширенной» интерпретации, однако следует учитывать, что традиционно он закреплен за другим явлением.

В-третьих, возможна ситуация, когда **предикат выступает в различных значениях** и, соответственно, вводит участников с различной семантической ролью, напр.:

(46) *выйти из комнаты*

(47) *Когда вы выходите на работу?* [Апресян 2009: 413]

Согласно [Апресян 2009], данные употребления классифицируются как различные лексемы (*выйти* I.1.1 и *выйти* II.1.5, соответственно). Различие в значении глагола определяет различие в типе локативного аргумента, и соответственно, в предложно-падежном оформлении в (46) и (47).

Можно ли проинтерпретировать адыгейские конструкции в (5)–(6) и др. примерах в тех же терминах? По-видимому, такое объяснение удовлетворительно лишь отчасти. Действительно, матричные предикаты, как было показано в разделе 2, выбирают падежное оформление в зависимости от своего значения. Однако различия в значении предиката в адыгейских конструкциях не настолько велики, чтобы говорить о различных семантических ролях. В русских примерах (46)–(47) локативные участники при глаголе *выйти* относятся к различным семантическим локативным зонам: речь идет о различных локативных ориентациях, элатив (направление от ориентира) и латив (направление к ориентире). Для адыгейских примеров различие в значении не столь очевидно. Довольно странно было бы считать, что событие и пропозиция настолько различны семантически, что задают различные роли. Такой вывод, насколько нам известно, не делается относи-

тельно других языков при анализе КСА и в адыгейском выглядел бы постулированным вынужденно, ровно для объяснения наблюдаемого явления.

Обычно считается, что СА со значением события и пропозиции заполняют одну и ту же валентность матричного глагола – стимул эмоции при эмотивных глаголах и содержание при ментальных глаголах.

Объяснение с помощью различных семантических ролей было бы мотивировано, если бы оба СА, с инструментальным и с обстоятельственным падежом, могли выступать при одном и том же матричном предикате в одном предложении. Данное объяснение постулируется Ю. Д. Апресяном для объяснения различного управления русского глагола *сердиться*, например:

(48) а. *Отец сердится на сына.*

б. *Отец сердится из-за двойки.*

Оба участника могут быть выражены одновременно в одной и той же клаузе:

в. *Отец сердится на сына из-за двойки.*

В [Апресян 2003: 1021] мотивируется решение, что *сын* в (48абв) является виновником, *двойка* – причиной эмоции. Различное оформление данных участников объясняется различиями в их ролевой характеристике.

В адыгейском, в отличие от русского (48в), невозможно выражение при рассматриваемых глаголах двух участников, одного с инструментальным, другого – с обстоятельственным падежом.

Все предложенные выше гипотезы не объясняют тот факт, что вариативность падежного маркирования проявляют только СА. Во всех решениях остается непонятным, почему наблюдаемая вариативность ограничена только глаголами, способными присоединять СА, и не возникает в том случае, если при этих глаголах соответствующая валентность заполняется именной группой.

В силу этого мы предполагаем, что падежные показатели в СА адыгейского языка развивают особые функции, не характерные для именных актантов. Иными словами, можно предполо-

жить, что нарушения в выборе падежного показателя являются результатом **грамматикализации падежных показателей в функции маркеров подчиненной клаузы**. При этом инструментальный падеж грамматикализуется в показатель событийных СА, а обстоятельственный падеж – в показатель подчиненных клауз, выражающих пропозицию (в СА и обстоятельственных предложениях (24)). Ядерные падежи в КСА, напротив, не грамматикализируются в такой функции, а используются при том же значении матричного предиката, что и именные актанты. Это объясняет, почему неядерные падежи, в отличие от ядерных, могут присоединяться непосредственно к глагольной основе в КСА. Выше было показано, что если ядерные падежи оформляют потенциалис в СА, то матричный предикат выступает в том значении, которое он имеет в контексте именных актантов (см. выше). Если глагол выступает в том значении, которое он не имеет в контексте именных актантов (например, ‘собираться что-л. делать’, ‘пытаться что-л. делать’), то употребляются только неядерные падежи. Иными словами, эргатив и абсолютив при потенцилисе имеют ту же функцию, что и при именных актантах, в то время как неядерные падежи употребляются в другой функции. Признание такого сдвига значения говорит в пользу гипотезы о грамматикализации данных показателей в функции маркеров подчиненной клаузы.

К подобному выводу, по-видимому, близок анализ М. Ю. Князевым калмыцких конструкций в (10) и (11). В калмыцком языке (дербетский диалект) допускается несоответствие падежного маркирования СА маркированию именных актантов при одном и том же матричном предикате. Точнее, аккузатив на СА появляется при непереходных матричных предикатах, не имеющих валентности на аккузативное дополнение. Аккузатив возможен наряду с косвенным падежом, который требуется согласно модели управления матричного предиката, ср. (10) и (11). Согласно исследованию, проведенному М. Ю. Князевым, «аккузативное маркирование причастия является в калмыцком маркированием по умолчанию. Иначе говоря, в калмыцком языке всегда существует принципиальная возможность оформить зависимый предикат аккузативом, хотя больший приоритет имеет субкатегоризованное (не)маркирование и несубкатегоризованное

- (50) *hač'e-r t-jə-β_wəpəβ_w ə-λeβ_wə-βe-č'e*
 гость-ABS 1PL.PR-POSS-сосед 3SG.A-видеть-PST-INS
s-j-e-peg_wəje
 1SG.ABS-OBL-DYN-предполагать
 'Я думаю, что сосед видел гостя'.
- (51) *a-r t_wəč'anə-m š'ə-s-λeβ_wə-š'tə-č'e*
 тот-ABS магазин-ERG LOC-1SG.A-видеть-FUT-INS
s-e-g_wəβe
 1SG.ABS-DYN-надеяться
 'Я надеюсь, что увижусь с ним в магазине'.
- (52) *a-š' pšasə-r ə-λeβ_wə-n-č'e s-e-g_wəβe*
 тот-ERG девушка-ABS 3SG.A-видеть-POT-INS 1SG.ABS-
 DYN-надеяться
 'Я надеюсь, что он увидит девушку'.

Как можно видеть из (49)–(52), выбор временной формы в зависимой предикации однозначно определяется ее временной референцией⁸: настоящее время в (49) обозначает одновременность, прошедшее (50) – предшествование, будущее (51) на *-š't* – следование зависимой ситуации за ситуацией, выраженной глав-

⁸ Данные временные формы в КСА могут иметь как временную референцию относительно момента речи, так и относительно времени главной предикации (как в русском языке: *Я смотрел, как она танцевала / танцует*), ср.:

- (i) *a. wered qə-zer-a-?_we-š'tə-βe-r se zexe-s-xə-β*
 песня DIR-FCT-3PL.A-говорить-AUX-PST я LOC-1SG.IO-
 слышать-PST
б. se zexe-s-xə-β a-xe-me
 я LOC-1SG.IO-слышать-PST тот-PL-ERG.PL
wered qə-zer-a-?_we-re-r
 песня DIR-FCT-3PL.A-говорить-DYN-ABS
 а=б. 'Я слышал, как они пели'.

Для референции к зависимой ситуации, одновременной с ситуацией в главной предикации, в первом случае используется форма имперфекта прошедшего времени (AUX-PST), во втором случае – форма настоящего времени с показателем динамичности.

ной предикацией. (Мы не приводим примеров на давнопрошедшее и другие временные формы)

Сравним примеры с будущим временем и с потенциалисом, (51) и (52). Данные предложения включают один и тот же матричный глагол *g_wəʒe-* ‘надеяться’ и один и тот же зависимый глагол. В первом случае СА оформляется будущим временем на *-š't*, во втором случае – потенциалисом. Различие между такого рода примерами, согласно интерпретации носителей, в следующем. Форма будущего времени возможна, если говорящий утверждает истинность СА или же если он практически уверен в истинности СА. Закономерно, что при отсылке к ситуации в будущем при фактивной форме (где истинность зависимой ситуации в пресуппозиции) встречается преимущественно будущее время. При обстоятельственном падеже в СА возможен и потенциалис, и будущее время, в зависимости от уверенности говорящего в истинности СА. Наконец, при инструментальном падеже преобладает употребление потенциалиса.

Такое распределение в целом отражает распределение будущего времени и потенциалиса в простом предложении адыгейского языка (ср. [Сердобольская 2009]).

Далее, потенциалис является основным средством кодирования т. н. генерического события в СА, т. е. хабитуальной ситуации, не имеющей референции к конкретной точке на временной оси (напр., в контексте глаголов со значением ‘любить’, см. [Крейдлин, Рахилина 1981] о референциальных характеристиках имен ситуаций), ср. (44). В этом контексте временные показатели невозможны. Такое развитие значения является типологически вполне закономерным для будущим времен [Bhat 1999; Татевосов 2004] и в особенности для форм, используемых в целевых конструкциях [Haspelmath 1989].

Как можно видеть, в этом смысле нет оснований выделять формы «потенциалис + падежные показатели» особо по сравнению с другими временными формами в контексте падежных показателей. Выбор между глагольной основой и потенциалисом зависит от временных и модальных характеристик зависимой ситуации; функцию введения СА при данных формах выполняют падежные маркеры. Как сама по себе глагольная основа, так и потенциалис не может непосредственно вводить СА / подчинен-

ную предикацию (за исключением грамматикализованных модальных, фазовых и аспектуальных предикатов). Маркеры обстоятельственного и инструментального падежа, наоборот, грамматикализируются в показатели подчинения, выражая событие и пропозицию, соответственно.

5. Заключение

В настоящей работе анализировались конструкции с сентенциальными актантами адыгейского языка, проявляющие вариативность в падежном оформлении СА. Указанная вариативность не объясняется ни одним из явлений, описывающих вариативность в маркировании именных актантов (разные модели управления при лабильных глаголах; дифференцированное маркирование аргумента; различие в семантических ролях, вызывающее различное падежное маркирование). Учитывая, что именные актанты в адыгейском языке не допускают такую же вариативность падежного оформления, как и СА, мы анализируем рассматриваемые конструкции как результат грамматикализации показателей обстоятельственного и инструментального падежа в функции комплементаризеров. При этом обстоятельственный падеж служит для введения СА со значением пропозиции, инструментальный падеж – для введения СА со значением события.

Система стратегий кодирования СА в адыгейском языке организована следующим образом: как и во многих языках, различным образом кодируются факт, событие и пропозиция. Однако данные значения кодируются не различными глагольными формами или специальными союзами, как это происходит во многих языках: для этой цели служат грамматикализованные падежные маркеры. В контексте данных маркеров может выступать как временная форма глагола, так и потенциалис, традиционно обозначаемый как «масдар». Выбор между временной формой глагола и потенциалисом определяется временными и модальными характеристиками СА.

Для обозначения факта используется фактивная форма, событие кодируется инструментальным падежом, пропозиция с нейтральным истинностным значением – обстоятельственным падежом. Если зависимая предикация отсылает к ирреальной или

ложной пропозиции, используется инструментальный падеж. Если зависимая предикация обозначает гипотетическую ситуацию в будущем или ситуацию с генерическим референциальным статусом (*Мне нравится петь*), зависимый предикат оформляется потенциалисом; если речь идет о ситуации в прошлом, настоящем или реальном будущем (т. е. если говорящий утверждает истинность СА), используется глагольная основа с соответствующим временным маркером.

Таблица 1. Распределение стратегия оформления СА в адыгейском языке в зависимости от семантики зависимой ситуации и её временной референции

Значение СА	Ситуация в СА происходит одновременно или предшествует ситуации в главной предикации	Ситуация в СА следует за ситуацией в главной предикации	Ситуация в СА не имеет временной отнесенности
Факт	Фактивная форма (с показателем настоящего, прошедшего, будущего и др. времён)		
Пропозиция	Глагольная основа с обстоятельственным падежом	Потенциалис или будущее с обстоятельственным падежом	Потенциалис с обстоятельственным падежом
Ирреальная или ложная ситуация	Глагольная основа с инструментальным падежом	Потенциалис (редко будущее время) с инструментальным падежом	Потенциалис с инструментальным падежом
Событие			

Список обозначений

А – согласовательный префикс агенса переходного глагола

ABS – абсолютный падеж / согласовательный префикс

ACC – аккузатив

ADV – адвербиальный падеж

ASSOC – ассоциатив, совместный падеж
AUX – вспомогательный глагол
BEN – бенефактивная версия
CAUS – каузатив
COM – комитативная актантная деривация
DAT – датив
DIR – направительный преверб
DSD – дезидератив, желательное наклонение
DYN – динамичность
ERG – эргатив
FCT – фактивная форма
FUT – будущее время
GEN – генитив
INS – инструменталис
IO – согласовательный префикс косвенного объекта
LOC – локативный преверб
MAL – малефактивная версия
NEG – отрицание

NZR – номинализация
OBL – косвеннообъектная деривация
P – лично-числовые посессивные показатели
PC – причастие
PL – множественное число
POSS – показатель отторжимой принадлежности
POT – потенциалис
PR – личный посессивный префикс
PRED – предикативная форма
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
Q – вопросительная частица
RE – реверсив, рефактив
REL – релятивизатор
RFL – рефлексивный показатель
SG – единственное число

Литература

- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003.
- Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Основные сведения об адыгейском языке // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 17–120.
- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Водождоков 1960 — Х. Д. Водождоков. Русско-адыгейский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960.

- Зализняк А. 1983 — Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке. // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. 42, № 1, 1983. С. 59–66.
- Зализняк А. 1990 — Анна А. Зализняк. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Арутюнова Н. Д. (ред.) Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
- Зализняк А. 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992.
- Зекох 1976 — У. С. Зекох. К проблеме осложнённого предложения в адыгейском языке // Структура предложения в адыгейском языке. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1976. С. 72–105.
- Зекох 2002 — У. С. Зекох. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002.
- Керашева 1984 — З. И. Керашева. Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Князев 2009 — М. Ю. Князев. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН). СПб.: Наука, 2009. С. 525–581.
- Крейдлин, Рахилина 1981 — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Рахилина. Денотативный статус отглагольных имен // Научно-техническая информация 2, 12., 1981. С. 17–22.
- Кузнецова 2009 — Ю. Л. Кузнецова. Модальность в адыгейском языке // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 287–328.
- Кумахов 1989 — М. А. Кумахов. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
- Кумахов, Вамлинг 1998 — М. А. Кумахов, К. Вамлинг. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. М.: ИЯ РАН – Lund University, Sweden, 1998.
- Митева 2008 — П. С. Митева. Конструкции с сентенциальными актантами в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Отчет по материалам экспедиции 2008 г. Рукопись. М., 2008.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Эффект снятой утвердительности // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Труды международной конференции «Диалог» 2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004). М.: Наука, 2004. С. 479–487.

- Подлеская 1990 — В. И. Подлеская. «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // Вопросы языкознания 4, 1990. М.: Наука, 1990. С. 93–106.
- Рogaвa, Керашева 1966 — Г. В. Рogaвa, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Сердобольская 2009 — Н. В. Сердобольская. Второе будущее, инфинитив, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 454–498.
- Сердобольская, Кузнецова 2009 — Н. В. Сердобольская, Ю. Л. Кузнецова. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 166–201.
- Сердобольская Мотлохов 2009 — Н. В. Сердобольская, А. В. Мотлохов. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 498–559.
- Сумбатова 2009 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 559–612.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть – бывает – будет: на пути грамматикализации // Исследования по теории грамматики 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 226–255.
- Тхаркахо 1991 — Ю. А. Тхаркахо. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991.
- Халбад 1975 — Т. Х. Халбад. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Храковский 1985 — В. С. Храковский (ред.) Типология конструкций с предикатными актантами. Ленинград: Наука, 1985.
- Шаов 1975 — Ж. А. Шаов. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1975.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Bhatt 1999 — R. Bhatt. Covert Modality in Non-finite Contexts. PhD Dissertation, University of Pennsylvania, 1999.

- de Hoop, de Swart 2009 — H. de Hoop, P. de Swart. *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Springer Science, 2009.
- de Swart 2007 — P. de Swart. *Cross-linguistic Variation in Object Marking*, University of Nijmegen: PhD Dissertation, 2007.
- Dixon, Aikhenvald 2006 — R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. *Complementation. A cross-linguistic typology*. Oxford University Press, 2006.
- Gerassimov 2006 — D. V. Gerassimov. 2006. *Complementation Strategies in Circassian and Dagestanian*. Paper presented at the “Morphosyntaxe des langues du Caucase”. Paris, 11.12.2006.
- Haspelmath 1989 — M. Haspelmath. *From purposive to infinitive – a universal path of grammaticization* // *Folia Linguistica Historica* X, 1/2., 1989. P. 287–310.
- Kimmelman 2010 — V. Kimmelman. *Auxiliaries in Adyghe*. Электронный документ <http://home.medewerker.uva.nl/v.kimmelman/page1.html>
- Kiparsky, Kiparsky 1971 — P. Kiparsky, C. Kiparsky. *Fact* // Jakobovits L., Steinberg D. (eds.) *Semantics: An Interdisciplinary Reader*. Cambridge University Press, 1971.
- Noonan 1985 — M. Noonan. *Complementation* // Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*, v. 2: *Complex Constructions*. Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.